

Глубокая ночь укрыла мир абсолютным безмолвием.

Душевная сумятица и гнетущая тревога улеглись, уступив место покою. Лишь в воздухе всё ещё висел сигаретный дым — горьковатый, едва уловимый шлейф, который никак не желал рассеиваться.

Сидящий во мраке монстр медленно поднял голову.

Его терзал удушающий голод, но к этой тупой боли он давно привык. Бесчисленные дни и ночи тянулись чередой, стирая былые надежды, пока онемевший разум окончательно не превратил его тело в подобие живого трупа.

Но теперь он снова почувствовал биение сердца.

Слабое, едва ощутимое, но несомненно настоящее.

Он жив.

Он всё-таки дождался.

Плечи содрогались — невозможно было понять, душит ли его радость или боль. Словно немой калека без рук и ног, эта опустошённая оболочка не могла издать ни звука.

Ожидание затянулось слишком надолго.

Настолько, что он разучился кричать от боли.

Настолько, что едва не умер.

Он склонился над спящим Пэй Чаном, и в бледном лунном свете на лицо мужчины упала прозрачная слеза.

Его рука бессильно свисала к полу, когда острые когти до крови вонзились в ладонь. На паркет упали первые тёмные капли.

Пэй Чан снова видел сон.

Этот сон отличался от обычных кошмаров — за долгие годы ничего подобного ему не снилось.

Если бы не летний ветерок, принёсший с собой знакомый аромат гардений, он бы решил, что навсегда стёр эти воспоминания из памяти.

— Пэй Чан.

Перед ним стоял стройный, залитый солнцем юноша. В руках он держал букет цветов, а его ясные глаза сияли ярче драгоценных камней.

Пэй Чан замер, пытаясь рассмотреть лицо парня, но черты расплывались, ускользая от взгляда.

Он попытался сделать шаг навстречу, но тело словно налилось свинцом.

— Пэй Чан, тебе нравятся гардении? — раздался тихий, ласковый смех.

Прежний трепет, сотканный из нежности и боли, давно сменился глухим равнодушием. Пэй Чан остановился, и его взгляд сделался абсолютно спокойным.

Он слышал собственный голос:

— Не люблю.

— Но я же видел, как ты делаешь из них закладки... — голос юноши затих, он медленно опустил голову.

— Но теперь полюбил.

Юноша резко вскинул голову, и в его глазах вновь вспыхнул свет.

Пэй Чан безучастно смотрел на это туманное лицо, а его собственные слова отчётливо звучали в ушах.

Он стоял рядом с собой восемнадцатилетним, расколотый надвое — на прошлое и настоящее.

Но самым жестоким оставалось то, что даже во сне его разум сохранял кристальную ясность.

Он прекрасно понимал: это не сказка, и счастливого конца ждать не стоит.

Его первое чувство было обречено рухнуть в бездну — так же, как и всё, чем он когда-либо дорожил.

За всю жизнь Пэй Чан по-настоящему привязывался лишь дважды.

В восемь лет он подобрал на улице бродячего пса, а в восемнадцать — встретил свою первую любовь.

Но оба раза эта вера обрывалась самым жестоким образом — именно в тот момент, когда он предавался самым светлым надеждам.

Чистый и невинный юноша просто исчез, повторив участь того несчастного пса.

Пэй Чан так и не узнал, куда тот делся. Безродный сирота без связей и денег ничем не отличался от уличного пса: в глазах вершителей судеб они оставались беззащитными букашками, которых можно раздавить мимоходом.

Он не стал расспрашивать старейшину Пэя. Пока страшные слова не произнесены вслух, теплится глупая надежда. Ему хотелось верить, что собаку просто приютил кто-то другой, а юноша уехал навстречу лучшему будущему.

Но всё сложилось именно так, как говорил старик. За собственное бессилие всегда приходится платить — такова цена взросления.

И ледяные слова деда до сих пор громом отзывались в его сознании:

«Чувства — самая бесполезная вещь на свете».

— Пэй Чан, я люблю тебя.

Но летний ветер вмиг обратился острыми лезвиями, ломая фальшивую красоту.

Пэй Чан распахнул глаза и посмотрел на узкое окно.

Первые солнечные лучи пробивали облака, мириадами золотых нитей ложась на проснувшуюся землю. Свет струился сквозь узкое окно, наполняя убогую комнату ослепительным и величественным сиянием.

Он повернулся к чудовищу, сидевшему напротив, и встретился со взглядом, полным немого обожания. Пэй Чан слабо улыбнулся, и его сорванный голос тихо нарушил тишину:

— Доброе утро, Гуайгуай.

Ничего уже не изменить, но солнце всё равно взойдёт.

В тот день Пэй Чан так и не появился в офисе.

И дело было не только в ссадинах на лице: стоило ему открыть глаза, как его забила лихорадка.

Поначалу жар казался терпимым, но стоило ему попытаться встать, как голова закружилась, и он полетел на пол.

Он должен был нелепо растянуться на полу, но крепкие руки вовремя подхватили его.

— М-м?

Пэй Чан затуманенным взглядом посмотрел на скрытое за длинными волосами лицо и слабо усмехнулся:

— Пару дней назад так свирепствовал, а сегодня вдруг присмирел?

В лихорадочном бреду он мало отличался от пьяного. Опершись на его обнажённую грудь, Пэй Чан покачнулся и едва слышно пробормотал:

— До чего же ты тощий...

Монстр ничего не ответил. Лишь бережно подогнул острые когти, поддерживая мужчину холодными, но удивительно мягкими ладонями.

Мятая рубашка задралась, обнажая поясницу. Несколько верхних пуговиц расстегнулись, открывая взору ключицы и грудь, и только шёлковый галстук всё ещё упрямо болтался на воротнике.

Всегда опрятный и безупречный Пэй Чан, пожалуй, никогда ещё не выглядел настолько растрёпанным.

Он попытался сделать шаг, но комната завертелась перед глазами. К горлу подступила дурнота, лицо побледнело, а по телу побежал озноб.

Если бы не руки, надёжно придерживающие его за талию, он бы рухнул обратно.

Пэй Чан сделал ещё несколько безуспешных попыток совладать с собственным телом, но силы стремительно таяли, а в голове шумело всё сильнее.

Он заваливался на бок, беспомощно цепляясь за костлявую грудь, но объятия монстра оставались крепкими и надёжными.

Навалилась глухая усталость. На грани беспамятства Пэй Чан хрипло прошептал:

— Всё, хватит...

Силы окончательно оставили его. словно на краю бездны, откуда он срывался тысячи раз без единой надежды на спасение, он просто перестал бороться и позволил себе упасть.

В этот раз его тоже никто не вытащил. Но его поймали.

Ощущение надёжной опоры оказалось куда ценнее, чем призрачная рука помощи.

Пэй Чан затих в его руках, расслабившись подобно тряпичной кукле.

Его тело было холодным и костлявым, но Пэй Чану оно казалось самым тёплым местом на свете.

Жар окончательно затуманил разум. Из груди мужчины вырвался тихий вздох:

— Гуайгуай, как же я устал...

У каждого есть право на слабость, когда он болен.

Даже у Пэй Чана.

Костлявые руки бережно сжались вокруг его тела, словно удерживали величайшее сокровище.

Спустя долгое время холодные губы осторожно коснулись его лба.

Когда Пэй Чан пришёл в себя, он уже лежал в собственной спальне.

В его вену была вставлена капельница, но помятая одежда осталась прежней.

Увидев, что хозяин открыл глаза, вошедший дедушка-дворецкий склонил голову:

— Генеральный директор Пэй, прикажете подать обед сюда?

Пэй Чан бросил взгляд на догорающую капельницу, хладнокровно выдернул иглу и произнёс:

— Не нужно.

— Слушаюсь.

Старик почтительно попятился к двери.

— Ты поднимался на чердак? — ровным голосом спросил Пэй Чан.

В его тоне не было угрозы, но дворецкий почувствовал, как спина покрывается холодным потом.

Он торопливо опустил голову:

— Ни в коем случае! Горничная нашла вас без чувств в коридоре второго этажа.

— Иди, — сухо бросил Пэй Чан.

— Слушаюсь, — облегчённо выдохнул старик и поспешно закрыл за собой дверь.

Пэй Чан поднялся, взял чистую одежду и направился в ванную.

Под струями горячей воды он прикрыл глаза.

Образы из сна таяли, уступая место привычному равнодушию.

Он не чувствовал печали. То, что произошло когда-то, не стоило лишних слёз.

Для взрослого Пэй Чана это было лишь мимолётное увлечение юности. Прошное должно оставаться в прошлом.

Да.

Именно так.

Он разжал сведённые пальцы. Кровь из расцарапанной ладони смешалась с водой и мгновенно исчезла в сливе.

Когда он открыл глаза, в его янтарном взгляде читалось прежнее ледяное спокойствие.

Вчерашняя слабость и утреннее смятение без следа растворились в безразличии.

Вот только багровые следы на шее, оставленные чужими губами, под струями воды проступили отчётливее, напоминая о безумии минувшей ночи.

Глядя на то, как вышедший из душа Пэй Чан с каменным лицом садится за работу, Система «Мужчина-мамочка» 7008 нервно затеребила лапки.

Её подопечный на чердаке сидел без крошки еды целую неделю — ещё немного, и он просто умрёт от голода!

Но, взглянув на покрасневшее от жара лицо Пэй Чана, Система заколебалась.

Оба подопечных были ей одинаково дороги.

Она не могла позволить пленнику умереть голодной смертью.

Но и заговорить с Пэй Чаном в таком состоянии она не решалась.

Да-да, просто не смела.

7008 обречённо вздохнула.

— Твоё дыхание меня раздражает, — ледяным тоном произнёс Пэй Чан.

7008 тут же вытянулась по струнке, готовая отдать честь.

[Так точно! Немедленно исправлюсь!]

И мгновенно притихла, притворяясь мёртвой железкой.

«Эх... Никто не предупреждал меня перед заданием, что в этом человеческом мире полно

ПСИХОВ»

Внезапное отсутствие генерального директора парализовало офис. Пока ассистент Цзинь и помощник Сунь сбивались с ног под лавиной документов, вся корпорация — от топ-менеджеров до охраны — пребывала в полнейшем смятении.

Раньше Пэй Чан лично улаживал любые проблемы, даже самые незначительные.

Пусть пара его фраз заставляла людей сомневаться в ценности собственной жизни, со своей работой он справлялся блестяще.

Впрочем, всеобщее беспокойство улеглось, стоило директору устроить им значительный разнос.

Даже через холодные строчки писем и ледяной тон голосовых сообщений сотрудники ощутили до боли знакомое, удушающее давление.

Но, получив свою порцию нагоняя, коллектив наконец расслабился.

Генеральный жив, Корпорация Пэй не разорилась, годовые бонусы в безопасности.

В офисах корпорации Пэй снова воцарился образцовый порядок.

Погрузившись в документы, Пэй Чан потерял счёт времени. Лишь потянувшись к чашке, он заметил, что она пуста.

На часах был уже час дня.

— Генеральный директор Пэй, обед готов, — негромко доложил дворецкий, застыв у дверей кабинета и скромно опустив глаза.

Вся прислуга в доме подбиралась лично Пэй Чаном: ум и умение вовремя промолчать были главными требованиями.

Пэй Чан коснулся пальцами следа от укуса на кадыке и, смерив дворецкого холодным взглядом, отрезал:

— Без моего разрешения на второй этаж никому не подниматься.

— Слушаюсь.

Старик тут же скрылся вместе с прислугой.

Из всех поданных блюд Пэй Чан взял лишь тарелку с рисом и направился напрямик к чердачной лестнице.

Дверь со скрипом отворилась, пропуская в полумрак полосу света.

Пэй Чан придвинул стул и приспособил сломанную операционную кушетку под подобие стола.

Он без лишних церемоний уселся прямо на пол, скрестив ноги, и небрежно бросил пакет с кровью на противоположный край кушетки.

Кушетка покачнулась, но устояла.

Застывший в углу монстр долго наблюдал за ним сквозь спутанные пряди волос. Лишь спустя пару минут существо медленно переползло поближе.

Кушетка была длинной, разделяя их расстоянием почти в два метра.

Пэй Чан молча отправлял в рот ложку риса, смотрел на существо, затем снова ел и снова смотрел.

Под этим взглядом монстр, готовый с жадностью наброситься на кровь, вдруг замялся. Его движения стали на удивление робкими, почти чинными.

Пэй Чан не выдержал и тихо рассмеялся.

Существо озадаченно уставилось на него, не понимая, что вызвало этот смех.

Но, глядя на сидящего в лучах солнца Пэй Чана, монстр заворожённо застыл, не в силах отвести взгляда.

Он попытался неловко растянуть губы в улыбке, но лишь расцарапал их до крови об острые клыки.

Он просто забыл, как нужно улыбаться.